

В. Зелинский

**Критические разборы
"Дворянского Гнезда" и
"Накануне" И.С. Тургенева**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Зелинский**
Критические разборы "Дворянского Гнезда" и "Накануне" И.С. Тургенева / В.
Зелинский – М.: Книга по Требованию, 2016. – 210 с.

ISBN 978-5-517-87683-6

Перепечатаны из "Собрания критических материалов для изучения произ-
ведений И.С. Тургенева".
Нет стр. 72-73

ISBN 978-5-517-87683-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

„ДВОРЯНСКОЕ ГНѢЗДО“

*) Трудно сказать, начиная разборъ новаго произведенія г. Тургенева, что болѣе заслуживаетъ вниманія: само ли оно со всѣми своими достоинствами или необычайный успѣхъ, который встрѣтилъ его во всѣхъ слояхъ нашего общества. Во всякомъ случаѣ, стоитъ серьезно подумать о причинахъ того единогласнаго сочувствія и одобренія, того восторга и увлеченія, которые вызваны были появленіемъ *Дворянскаго гнѣзда*. На новомъ романѣ автора сошлись люди противоположныхъ партій въ одномъ общемъ приговорѣ; представители разнородныхъ системъ и возрѣній подали другъ другу руку и выразили одно и то же мнѣніе. Романъ былъ сигналомъ повсемѣстнаго примиренія и образовалъ родъ какого-то литературнаго *trève de Dieu*, гдѣ каждый позабылъ на время свои любимыя мнѣнія, чтобы вмѣстѣ съ другими спокойно насладиться произведеніемъ и присоединить голосъ свой къ общей и единодушной похвалѣ. Конечно, тутъ можно видѣть торжество поэзіи и художественнаго таланта, самовластно подчиняющихъ себѣ разнороднѣйшіе оттѣнки общественной мысли, но съ нѣкоторою основательностію тутъ можно предполагать также, что не каждая изъ рукоплещущихъ сторонъ одинаково понимаетъ внутреннее значеніе произведенія, и не каждая въ приговорѣ своемъ подразумѣваетъ именно то, что другая.

Разбирать причины и, такъ - сказать, составныя части громаднаго успѣха, встрѣченнаго романомъ г. Тургенева—

*) П. Анненковъ. „Русскій Вѣстникъ“ 1859 г., № 16. Также „Воспоминанія и критическіе очерки“ Анненкова, отдѣлъ II.

не наше дѣло. Скажемъ только, что явленіе это, по нашему мнѣнію, принадлежитъ къ числу очень замѣчательныхъ явленій послѣдняго времени. Мы хорошо понимаемъ единокрушіе въ приговорѣ, когда дѣло заходитъ объ общей идеѣ, въ которой каждый человекъ порознь или цѣлый народъ вмѣстѣ узнаютъ свою неотъемлемую собственность, свое отраженіе и цѣль для своихъ стремленій; но единокрушіе передъ свободнымъ проявленіемъ авторской фантазіи, передъ вопросомъ искусства, передъ фигурами и образами, которые вызваны потребностію отдѣльнаго, частнаго лица, или его художнической прихотью—такое единокрушіе представляетъ уже хорошую тему для изслѣдованія. Достаточно вспомнить, что для образованія подобнаго факта нужно было каждому изъ многочисленныхъ судей позабыть на время всѣ нажитыя имъ теоретическія отношенія къ другимъ людямъ (иначе онъ бы никогда съ ними не сошелся), и это вообще довольно рѣдко случается во всѣхъ литературахъ. При подобныхъ явленіяхъ уму наблюдателя неизбежно представляется одно изъ двухъ: или счастливое произведеніе вдругъ отвѣтило эстетическимъ и моральнымъ потребностямъ, жившимъ скрытною, затаенною жизнію въ умахъ большей части современниковъ, или при оцѣнкѣ произведенія существуетъ какого-либо рода недоразумѣніе, имѣющее право на раскрытіе и объясненіе.

Мы можемъ сказать откровенно, что, по искреннему нашему убѣжденію, въ составленіи успѣха новому произведенію г. Тургенева участвовали въ извѣстной мѣрѣ и то и другое изъ этихъ условій.

Когда-то, довольно давно, печатно было замѣчено, что для автора *Записокъ Охотника* періодъ поэтическихъ анекдотовъ съ тонкими чертами изъ народнаго быта, съ мастерски-заостреннымъ юмористическимъ словомъ, съ легкими, по видимому, но глубоко задуманными и сильно выработанными картинками и положеніями, прошелъ безвозвратно. Послѣ *Записокъ Охотника* автору не оставалось ничего болѣе, какъ пуститься въ открытое море полной, многосторонней народной жизни, если онъ не хотѣлъ укорениться въ одномъ

родѣ и вѣчно плавать у береговъ народнаго быта, въ этихъ анекдотахъ, похожихъ на изящныя, щеголеватыя лодочки, неоцѣнимыя для прогулокъ, для полусерьюзныхъ и полупутливыхъ бесѣдъ, но мало пригодныя къ большому, долговому и серьезному плаванію за богатствами русскаго духа и русскаго поэзіи. Кромѣ сельскихъ подробностей, помѣщичьихъ и чиновничьихъ нравовъ, на очереди художническаго воспроизведенія стояло еще тогда цѣлое, такъ-называемое, образованное общество наше со всѣми разнообразными своими явленіями, которыя возникали, двигались, цвѣли и умирали безъ всякаго свидѣтеля, на подобіе невидимокъ, рѣдко-рѣдко оскорбляемыя любопытнымъ взоромъ наблюдателя. Изъ этого страннаго терема, созданнаго, какъ и всѣ терема, пренебреженіемъ, лѣнностію мысли и самодовольствомъ писателей, г. Тургеневъ пытался съ самаго начала освободить нѣсколько образовъ, но онъ относился еще къ новому міру, куда вступалъ, очень горделиво; онъ какъ бы сомнѣвался, способенъ ли этотъ міръ къ независимой жизни въ искусствѣ, сумѣетъ ли онъ держать себя какъ слѣдуетъ и принесетъ ли онъ честь и похвалу своему покровителю. вмѣсто того, чтобы попытаться уразумѣть черты открывшагося ему міра, авторъ сталъ *выбирать* между ними и, какъ бываетъ всегда въ такихъ случаяхъ, выносилъ на свѣтъ не то, что дѣйствительно имѣло силу и значеніе въ обществѣ, а то, что походило на самого искателя, на собственные его идеалы. Но явленія жизни неумолимы, какъ древніе боги. Ихъ не вызовешь презрѣніемъ или укоромъ, ихъ не дождешься, сложа горделиво руки на груди, и въ добавокъ ничѣмъ ихъ не замѣнишь: ими надо овладѣть открыто и честно, какъ овладѣваютъ сердцемъ гордой и благородной женщины, для чего очищаютъ и исправляютъ собственную свою мысль и собственную свою жизнь. Не всякій способенъ къ такому смѣлому приступу, который одинъ даетъ побѣду и обладаніе: вотъ почему большая часть изящныхъ произведеній, содержаніе которыхъ касалось исторіи нашего общества, отличалась въ то время выдумываніемъ явленій, подлогомъ и подставкой изобрѣтенныхъ мотивовъ, вмѣсто настоящихъ

и жизненныхъ. Покуда само общество хранило суровое, равнодушное молчаніе, — ложные слухи, произвольныя догадки и сплетни ходили о немъ по литературѣ безъ малѣйшаго препятствія. Даже Гоголь не могъ измѣнить литературную привычку къ выдумкѣ, лишь только основная интрига произведенія помѣщалась въ средѣ тѣхъ слоевъ общества, которые непосредственно слѣдуютъ за мелкимъ чиновничествомъ, сельскимъ дворянствомъ и городскимъ провинціальнымъ населеніемъ. Самые странные литературные букеты, не имѣвшіе ни формы, ни цвѣта, ни запаха, набирались именно на той почвѣ, которая принадлежала классамъ, заявляющимъ претензію на образованность, на умѣніе лучше понимать жизнь, и разумнѣе, богаче и художественнѣе устроить ее. Великій примѣръ Гоголя принесъ одну только пользу: онъ обратилъ писателей въ чуткихъ сторожей, которые на порогѣ этого осббннаго и разнообразнѣйшаго общества проводили дни и ночи, ожидая, не покажется ли кто случайно изъ вѣчно замкнутыхъ и недоступныхъ дверей. Когда сама тѣснота и обиліе жизни, тамъ царствующей, выбрасывали какое-либо явленіе наружу, подобно тому, какъ нѣкоторыя многолюдныя страны выбрасываютъ излишекъ своего населенія въ Америку, неусыпные стражи устремлялись на жертву съ поспѣшностію и рвеніемъ людей, прожившихъ многія сутки безъ сна и дѣла или съ пустымъ дѣломъ въ рукахъ. Такимъ образомъ получили мы нѣсколько настоящихъ типовъ, разработанныхъ, надо признаться, очень удовлетворительно и множествомъ несомнѣнныхъ талантовъ, потому что таланты у насъ находятся въ обратной пропорціи со *знаніемъ*: знанія мало, дарованій много. Впрочемъ, мы все-таки должны быть благодарны этого рода литературному захвату, какъ ни мало требовалъ онъ доблести, усилій мысли и наблюденія. По милости его, мы приобрѣли, какъ уже сказали, нѣсколько законченныхъ типовъ, напри- мѣръ, типъ *широкой натуры*, освободившей себя отъ всякой отвѣтственности передъ совѣстью, типъ *ничтожнаго характера* съ сильными претензіями и развитою головой, типъ *благодатнаго* бюрократа, загоняющаго людей къ по-

ряду и добродѣтели, какъ стадо, и т. д. Мы подстерегали жизненные явленія изъ-за угла не даромъ!

Немного ранѣе *Рудина*, и особенно съ этого романа, мы видимъ г. Тургенева уже въ срединѣ того круга, по внѣшней окраинѣ котораго ходила вся наша литература, и не только въ срединѣ, но въ прямомъ, открытомъ и свободномъ общеніи со всѣмъ его поэтическимъ, комическимъ и подъ часъ трагическимъ населеніемъ. Нажитыя понятія, предубѣжденія и предрасудки остались у него за порогомъ новаго міра, да и въ этомъ новомъ мірѣ онъ уже ищетъ не *исключительныхъ* явленій, которыми можно было бы поразить простыхъ людей, а ищетъ человѣка съ отношеніями, опредѣляющими и направляющими его. Какъ ни отрывчаты его рассказы, какъ ни слышится въ нихъ еще тайная робость за себя и за внутреннее достоинство выводимыхъ имъ лицъ, говоръ публики вокругъ новыхъ его произведеній показалъ, что онъ уже близокъ къ настоящему дѣлу, что ему остается превратить свои намеки въ ясныя, положительные факты, договорить свои полуоткровенія, додѣлать фигуры, брошенные наполовинѣ, и получить затѣмъ право на названіе лѣтописца современной жизни. Черезъ рядъ болѣе или менѣе удачныхъ опытовъ, г. Тургеневъ дошелъ, наконецъ, до простой, многозначительной драмы, какая является въ *Дворянскомъ инъздѣ*, и какихъ тысячи втихомолку разыгрываются по разнымъ угламъ нашего отечества, дошелъ до лицъ и характеровъ, нисколько не запятанныхъ грубымъ авторскимъ произволомъ, и взятыхъ изъ неисчисленной движущейся толпы такъ-называемаго образованнаго общества, гдѣ они укрываются отъ лѣниваго наблюденія; словомъ, онъ изобразилъ такое событіе, которое оказалось связаннымъ тончайшими нитями съ нашею современностію, съ сердцами всего настоящаго, или лучше, всего *отживающаго* поколѣнія. Таковъ былъ результатъ смѣлаго и вмѣстѣ дружелюбнаго отношенія къ жизни. Мудрено ли, что общество, узнавъ наконецъ въ яркой картинѣ одну изъ тайнъ собственнаго существованія, встрѣтило картину съ увлеченіемъ и восторгомъ, которыми оно обыкновенно награждаетъ людей, от-

крявающихся ему дорогу къ самосознанію, къ оцѣнкѣ себя и къ суду надъ собою?

П. Анненковъ.

*
* *

*) Произведенія Тургенева, говоритъ Аполлонъ Григорьевъ, представляютъ собой развитіе всей нашей эпохи; съ нею вмѣстѣ, онъ любилъ, вѣрилъ, сомнѣвался, проклиналъ, вновь надѣялся и вновь вѣрилъ—не боясь никакихъ крайнихъ граней мысли или, лучше сказать, увлекаясь самъ мыслию до крайнихъ ея граней и беззавѣтно отдаваясь всѣмъ увлеченіямъ. Отъ этого, читая его послѣднее произведеніе („Дворянское гнѣздо“) — вы что ни шагъ — повѣряете процессъ, который совершался въ цѣлой эпохѣ, что ни шагъ — сталкиваетесь съ образами, возродившимися, пожалуй, въ новыхъ и лучшихъ формахъ, но которыхъ сѣмена и даже зародыши коренятся въ далекомъ прошедшемъ. Вы поднимаете слой за слоемъ — и болѣе всего поражаетесь органическою связью словъ между собою... Довказательствомъ этой органической связи служить, въ особенности въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“, исторія отца и дѣда Лаврецаго, мѣсто, которое одному критику, въ числѣ многихъ другихъ мѣстъ, показалось, какъ онъ выразился, ретроспективнымъ... Что сказалось „Дворянскимъ гнѣздомъ“? Вся умственная жизнь послѣ-пушкинской эпохи, отъ туманныхъ началъ ея въ кружкѣ Станкевича, до рѣзкаго постановленія вопросовъ Бѣлинскимъ, и отъ рѣзкости Бѣлинскаго до уступокъ, весьма значительныхъ — сдѣланныхъ мыслию жизни и почвѣ... Борьба славянофильства и западничества, и борьба жизни съ теоріею — славянофильской или западною все равно — завершается въ поэтическихъ задачахъ Тургеневскаго типа побѣдою жизни надъ теоріями... Типъ, котораго послѣднимъ выраженіемъ у Тургенева является Лаврецкій, создавался долгимъ процес-

*) „Русское Слово“ 1859 г. и Сочиненія Аполлона Григорьева

сомъ, долженъ былъ воплотить въ себѣ весь этотъ процессъ, процессъ нашей послѣ-пушкинской эпохи. Но между тѣмъ, что должно было быть, и тѣмъ, что есть, что намъ дано — значительная разница. Судить о типѣ по тому, какъ онъ явился въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“, и на этомъ только основаніи заключать о художественности или нехудожественности его выполненія и цѣлаго произведенія, въ которомъ онъ является — значитъ, положительно не понять дѣла по отношенію къ Тургеневу, не понять задачъ, внутренняго смысла его поэтической дѣятельности. Наше время есть время всеобщихъ исповѣдей, и такую искреннюю, полную исповѣдь болѣе всего представляютъ произведенія Тургенева вообще и „Дворянское гнѣздо“ въ особенности. Для того, чтобы понять послѣдніе результаты этой искренней исповѣди въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ — нужно было прослѣдить всю борьбу, высказывающуюся въ произведеніяхъ Тургенева. Только зная эту борьбу, можно понять все значеніе стиховъ, которые онъ влагаетъ въ уста Михалевичу, и весь смыслъ того смиренія передъ народною правдою, которое проповѣдуетъ Лаврецій въ разговорѣ съ Паншинымъ.

Аполлонъ Григорьевъ.

* * *

*) Знаніе русской жизни, и притомъ знаніе не книжное, а опытное, вынесенное изъ дѣйствительности, очищенное и осмысленное силою таланта и размышленія, оказывается во всѣхъ произведеніяхъ Тургенева, и особенно ярко выразилось въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“, самомъ стройномъ и законченномъ изъ его произведеній. Всѣ дѣйствующія лица его романа, начиная отъ русской дѣвушки, Лизы, и кончая русскимъ лакеемъ старыхъ временъ, Антономъ, въ высшей степени оригинальны и жизненны; всѣ они созданы изъ тѣхъ элементовъ, которые всѣ мы знаемъ,

*) Д. Писаревъ. „Разсвѣтъ“ 1859 г., № 4. Тоже Сочиненіи Писарева.

и изъ которыхъ, со времени реформы Петра, мало по малу слагается наша общественная и частная жизнь. Всѣ они—представители настоящаго или непосредственнаго прошедшаго.

Д. Писаревъ.

* * *

*) Если начать смотрѣть на „Дворянское гнѣздо“ математически — холодно, то постройка его представится безобразно недодѣланною. Прежде всего обнаружится огромная рама съ холстомъ для большой картины; на этомъ холстѣ отдѣланъ одинъ только уголокъ, или, пожалуй, центръ; по мѣстамъ мелькаютъ то совершенно отдѣланныя части, то обрисовки и очерки, то малеванье обстановки. Въ самомъ уголкѣ или, пожалуй, центрѣ, иное живетъ полною жизнью, другое является этюдомъ, пробой. А между тѣмъ, это и не отрывокъ, не эпизодъ изъ картины; нѣтъ, это драма, въ которой одно только отношеніе разработано; живое, органическое цѣлое, вырванное почти безжалостно изъ обстановки, съ которой оно связано всѣми своими нервами; и оборванные нити, оборванные связи безобразно висятъ на виду зрителей... Въ числѣ эпизодическихъ сценъ Тургеневскаго произведенія, т. е., эпизодическихъ въ отношеніи къ одному отдѣланному уголку его картины, а не къ цѣлому холсту, на которомъ задумывалась картина,— есть одна, особенно поразительная своею глубокою вѣрою въ развитіе, въ силы; — это сцена свиданія Лаврецкаго и Михалевича, сцена, въ которой рисуется цѣлая эпоха, цѣлое поколѣніе съ его стремленіями, глубоко-знаменательная *историческая* сцена, дополняющая изображеніе того міра, изъ котораго вышелъ „Рудинъ“. *А. Григорьевъ.*

* * *

**) „Дворянское гнѣздо“ имѣло самый большой успѣхъ, который когда-либо выпалъ мнѣ на долю,

говорить поэтъ въ предисловіи къ изданію своихъ сочи-

*) Аполлонъ Григорьевъ. „Русское Слово“ 1859 г. и Сочиненія А. Григорьева.

**) А. Незеленовъ. „Тургеневъ въ его произведеніяхъ“. Спб. 1885 г.

ней: собственное свидѣтельство Тургенева, что въ моментъ наибольшаго развитія его творческихъ силъ русское общество сумѣло понять своего великаго изобразителя.

Ни одно изъ созданій Тургенева не проникнуто такою смѣлою, такою горячею вѣрой, ни одно не можетъ быть названо такимъ задушевнымъ созданіемъ, какъ „Дворянское гнѣздо“. Здѣсь нарисованъ чистѣйшій во всей русской литературѣ (послѣ пушкинской Татьяны) женскій образъ, образъ Лизы; здѣсь передъ нами и тотъ изъ героевъ Тургенева, въ котораго онъ наиболѣе вѣрилъ, на котораго онъ возлагалъ наибольшія надежды, — Лаврецкій; рисуя его, поэтъ изобразилъ въ чудесной исторической и бытовой картинѣ и всѣ тѣ элементы, изъ которыхъ слагалась и слагается жизнь русскаго общества, какъ бы желая показать намъ, что этотъ герой его есть достигнутый результатъ великаго историческаго процесса.

„Весенній, свѣтлый день клонился къ вечеру; небольшія розовыя тучки стояли высоко въ ясномъ небѣ и, казалось, не плыли мимо, а уходили въ самую глубь лазура“.

Такими словами начинается романъ, и свѣтлый тонъ, звучащій въ нихъ, проникаетъ все произведеніе, съ начала и до конца, до тѣхъ словъ, которыми отъживающій Лаврецкій привѣтствуетъ весеннюю жизнь молодого человѣческаго поколѣнія:

„Играйте, веселитесь, растите, молодыя силы... вамъ надобно дѣло дѣлать, работать, — и благословеніе нашего брата, старика, будетъ съ вами“ *).

„Дворянское гнѣздо“ — романъ въ самомъ широкомъ и полномъ смыслѣ этого слова: русская жизнь отразилась въ немъ всѣми своими сторонами: здѣсь и западничество, и славянофильство, и петербургское чиновничество съ его отвлеченнымъ высокоуміемъ, и бытъ деревни и города, и всѣ тѣ элементы, въ настоящемъ и въ историческомъ прош-

*) Эти прекрасныя слова, по выбору поэта новаго поколѣнія русской литературы, были написаны на лентахъ лавроваго вѣнка, несеннаго передъ гробомъ великаго писателя юношествомъ того университета, въ которомъ онъ самъ получилъ воспитаніе.

ломъ русской жизни, изъ которыхъ слагается нашъ бытъ; съ одинаковымъ художественнымъ совершенствомъ нарисовалъ поэтъ и благородную фигуру нѣмца Лемма, и строгій образъ воспитательницы Лизы, Агафьи, и другихъ простыхъ русскихъ людей. И надо всѣмъ этимъ царить въ произведеніи, все освѣщая и осмысливая свѣтомъ своего религіознаго идеала, кроткій образъ цѣломудренной дѣвушки въ своей чистой и безупречной красотѣ.

Лучшая въ русской литературѣ критическая статья о „Дворянскомъ гнѣздѣ“ принадлежитъ Аполлону Григорьеву. Статья эта объясняетъ и всѣ предшествовавшія великому роману произведенія поэта. Анализируя „Дворянское гнѣздо“, критикъ находитъ, что романъ этотъ есть „огромный холстъ, натянутый для огромной исторической картины“, на которомъ „отдѣланъ только одинъ уголокъ или, пожалуй, центръ, а затѣмъ—по мѣстамъ мелькаютъ... то обрисовки и очерки, то малеванье обстановки; въ самомъ уголкѣ или, пожалуй, центрѣ иное живетъ полною жизнію, другое является этюдомъ, пробой... это драма, въ которой одно только отношеніе разработано; живое органическое цѣлое, вырванное почти безжалостно изъ обстановки, съ которой оно связано всѣми своими нервами“. — Прощая (если только умѣстно это слово и выражаемое имъ чувство), прощая критику несправедливость такого отношенія къ постройкѣ романа за превосходный анализъ его характеровъ и тургеневскихъ типовъ вообще, мы останавливаемся, однако, на вопросѣ, почему показалась неудачной постройка романа лучшему изъ истолкователей поэта?.. Должно быть, потому, что героемъ произведенія взятъ (какъ онъ признаетъ) человекъ односторонняго направленія — „славянофилъ“ Лаврецкій, хотя этотъ славянофилъ и далекъ отъ исключительности, и отличается широтой сочувствій и пониманія.

А. Незеленовъ.